

Разговор на постоялом дворе

Ныне зимою, проезжая через одну поволжскую губернию по своим делам, случилось мне ночевать в одном селении, расположенном на берегу реки Волги. Село небольшое: жители в нем - почти все содержатели постоялых дворов да рыбаки. Завидев меня, подъезжающего, дворники приветливо зазывали всякий к себе, нахваливая комнату и пищу по-своему как можно красноречивее. Остановился я в новеньком доме, который лучше всех казался мне на вид, да и внутри было в нем хорошо: комнаты были чистенькие и теплые, на стенах кругом висели в рамках сносной гравировки портреты императорской фамилии и картины, представляющие разные битвы минувшей войны. В ризах иконы, стенные часы, мебель, самовары и прочая домашняя приличная обстановка заставили меня заключить, что хозяин должен быть человек порядочный. Я рад был теплым и чистым комнатам, и словоохотливая хозяйка, пожилая женщина, по заказу моему занялась самоваром. Маленький резвый мальчишка, босой, в ситцевой рубашке, бегал по избе и шалил. В продолжение питья чая я, от нечего делать, разговорился с хозяйкой и узнал, что она вдова-мещанка. После мужа осталось у нее три сына и три дочери. Из сыновей один взят в рекруты и служит уже унтер-офицером, другой в отделе, а третий живет с нею, но теперь отлучился в соседи на вечеринку, собранную на приезд волостного головы с женою. Из дочерей одна выдана за односельского крестьянина, другая выдана была за солдата, но он ныне служит уже офицером в армии, дослужившись до чинов своею расторопностью; резвый мальчишка был сын этого офицера, оставленный у бабушки погостить. Зная, что отец его офицер, мальчик кричал: "И я барин! И я барин!" Меньшая дочь у старушки была девушка и ушла на вечеринку, где пирует волостной голова с своею женою. Видя, что старуха любит поговорить, я коснулся между прочим и общественной их жизни.

- Скажи-ка, бабушка, нет ли у вас чего нового?

Старуха: - Коли нет, есть, батюшка, - отвечала она мне.

- А что такое у вас новое?

Старуха: - Вот у нас записывают писаря молодых людей в рекруты, и многие переполошились; говорят, что с 1000 душ будет 20 человек.

- Какая собака на хвост навязала вам о рекрутстве?

Старуха: - Вестимо, начальство, головы и писаря волостные.

- Врут они, бабушка. Ныне набора не будет, Я сам служу у высшего начальства и знаю верно, что набора нет. Ныне, по милости божией, все мирно.

Старуха: - Неужели, родимый, и впрямь набора не будет?

- Правда, сушая правда, бабушка; спроси хоть кого хочешь.

Старуха: - Нет, батюшка, здесь больно застращали головы и писаря мужиков-ту и сколько собрали денег-ту, кажись, больше тысячи.

- Да какие же ваши мужики дураки, не справясь хорошенько, вдаются в обман?

Старуха: - Ходили другие и в город к окружному, но ничего верного не узнали. Видно, и там им так толкуют.

- Дураки ваши мужики. Они бы спрашивали людей честных, а не мошенников. Я знаю, что в нынешний год (1859) набора не будет, а что будет впереди - еще неизвестно.

Старуха: - Так, вестимо, так, батюшка. А наш волостной сильно погуливает, и жена его так ширится-топырится: видно, есть из чего.

- Да ты, бабушка, отчего боишься волостного головы, ведь ты ему не подначальная, когда городская мещанка?

Старуха: -Так-ту, так, родимый, да есть у меня зять в крестьянах. Он стоит на очереди.

“Так что, если будет набор, то без жеребьевки не отдадут; надобно прежде вынуть жребий. Не всем же откупаться, надобно кому-нибудь и служить царю и отечеству.

Старуха: - Осенью, когда записывали в рекруты, голова сдернул и с него порядком, кажется, целковеньких полета, таковской. Не вдавайся в обман:

на то щука в море, чтобы карась не дремал.

- У вас, верно, много таких обманов?

Старуха: - Есть-таки, батюшка. Вот и лесной много держит гончих (борзых) собак, да травит наших овец, вместо зайцев,

- Это нехорошо. Надобно жаловаться начальству.

Старуха: - Толку-то, батюшка, мало. Если жалобиться на него, то не даст дров ни прута,

- А теперь дает?

Старуха: - Нам-ту не дает, а крестьянам дает, потому они лесному возят и деньгами и овсом.

- У вас здесь народ барский или вольный?

Старуха: - Нету, все вольные, да все орда, чуваш.

- Разве чуваш народ не бойкий?

Старуха: - Вот ты нашел еще бойких. Их недаром зовут трусами; чуваш - юваш. С кого же брать деньги, как не с них. В нынешнее лето писаря на порядках посбирали с них калым.

- За что?

Старуха: - По умышленному-то набору. Застращали их, бедных, как овец: с кого 10, с кого 20, а с кого 30, с кого 50, а с иного сорвали и по 100 целковеньких. Недаром говорят, что наш голова отправил несколько тысяч в ломбард.

- А кто у вас голова, ведь такой же чувашин?

Старуха: - Нет, родимый, не такой чувашин, а из городских мещан; был прежде писарем, да записался в крестьяне, в чувашскую деревню, да и сделался головой, да и стал пуще прежнего всех надувать. Прежде были головы из чуваш, не умели так плутовать. Где чувашину так обманывать!

- Есть ли у вас еще такие головы?

Старуха: - Коли нет. Таких плутов ведь любят. Ныне в чувашах все такие головы поделаны, чтобы с живого шкуру драть. Нет житья от них бедным чувашам. Они хитры на злые выдумки. Вот хоть наш голова Федор

Иванович: побудет годов с пяток да и выйдет в купцы, торговать леском.

- Разве у вас хорошо торговать лесом?

Старуха: - Коли нехорошо. Купцы сильно громят казенные леса: дана им воля от лесных.

Хотел было я еще поговорить с старухой, но захотел спать, а поутру рано уехал по Волге, размышляя о головах, о писарях и лесничих.

Михайлов-Янтуш, С. Разговор на постоялом дворе / С. Михайлов-Янтуш // Чувашская литература : хрестоматия для X-XI классов школ с многонациональным составом учащихся и русских национальных школ / авт.-сост. В. Н. Пушкин. – Чебоксары, 1997. – Ч. I. – С. 51-53.